

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.98

А. С. Андреев

Научно-исследовательский центр Фонда поддержки социальных инициатив,
Ростов-на-Дону, e-mail: modusoperandi@ya.ru

**ОСОБЕННОСТИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПОВЕДЕНИЯ) МОЛОДЕЖИ
В ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Ключевые слова: криминалистика, закономерности, молодежь, организованная преступность, посткриминальная деятельность, криминалистические средства и методы, посткриминальный период, посткриминальная действительность.

В статье рассмотрены особенности и проблемы деятельности и поведения молодежи в первоначальный период после совершения преступления, также раскрыто их значение для криминалистической науки. Объект статьи – деятельность и поведение молодежи в первоначальной посткриминальной действительности и деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Предметом статьи выступили закономерности формирования, развития, влияния первоначальной посткриминальной деятельности молодежи на раскрытие и расследование преступлений.

Статья написана в процессе реализации проекта, поддержанного Фондом президентских грантов на развитие гражданского общества (договор № 18-2-024330 от 24.11.2018 г.), и включает в себя анализ данных официальной статистики, результаты социологических опросов, аналитические данные, основанные на изучении уголовных дел и исследовательской программы автора.

A. S. Andreev

Research center of the Fund for support of social initiatives, Rostov-on-Don,
e-mail: modusoperandi@ya.ru

**FEATURES AND FORENSIC VALUE OF THE ACTIVITY (BEHAVIOUR)
OF YOUNG PEOPLE IN POST-REALITY**

Keywords: criminalistic, youth, organized crime, post-criminal activities, forensic tools and methods, post-criminal period, post-criminal reality.

The article deals with the features and problems of activity and behavior of young people in the initial period after the crime, also considered the importance of forensic science. The object of the article are the activities and behavior of young people in the original post-criminal reality and the activities of law enforcement agencies to detect and investigate crimes. The article deals with the regularities of the influence of post-criminal activity of young people on the disclosure and investigation of crimes.

The article is written in the process of implementation of the grant supported by the presidential grant Fund for the development of civil society (agreement № 18-2-024330 of 24.11.2018) and includes the analysis of official statistics, the results of sociological surveys, analytical author's data based on the study of criminal cases.

Введение

Как отмечает Президент РФ В.В. Путин, «от того, как мы воспитаем молодежь, зависит то, сможет ли Россия сбросить и приумножить саму себя. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но в то же время сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстанов-

ке. Как показывает, в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства – это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. ... Это как минимум одна из форм

конкурентной борьбы. Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий – это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна» [1].

Современные проявления преступной и связанной с ней посткриминальной деятельности в молодежной среде свидетельствуют обо все большей ее диджитализации (цифровизации), виртуализации следов, появлении новых способов совершения преступлений, адаптивных приемов противодействия правоприменению, росте согласительных процедур в уголовном процессе, что меняет традиционные подходы к пониманию такого явления [2].

Указанные обстоятельства предопределили выбор темы статьи и ее структуру.

Цель – изучить особенности и криминалистическое значение деятельности (поведения) молодежи в посткриминальной действительности.

Гипотеза статьи – деятельность лиц в посткриминальной действительности, а особенно молодежи, закономерно влияет на содержание и эффективность раскрытия и расследования преступлений, поэтому познание такой закономерности позволяет оптимизировать арсенал криминалистических средств, методов и рекомендаций.

Результаты исследования и их обсуждение

Преступность – «это качество или состояние преступности. Есть общие факторы, которые характеризуют людей, которые совершают преступления. Теории преступлений варьируются в зависимости от их основополагающих предположений о человеческой природе» [3]. Совокупность «всех реально совершенных противоправных деяний, за которые предусмотрено наказание (преступность)» [4], неизбежно создает посткриминальную действительность, в которой действуют субъекты преступления, очевидцы, жертвы, а также осуществляется деятельность по раскрытию, расследованию преступлений, их предотвращению, судебному разбирательству и так далее [5].

Закономерности посткриминального периода не одно десятилетие составляют

«предмет криминалистической науки» [6, 7]. Стержнем такого периода выступает посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления. По результатам исследования 382 уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, субъектами раскрытия и расследования преступлений познается не только механизм преступления, но и посткриминальная действительность (включающая как противодействие раскрытию и расследованию преступлений, уликное поведение, содействие раскрытию и расследованию преступлений и их отражения, подчиненные определенным закономерностям). Такие закономерности выражают связи:

а) с преступной деятельностью (внешние детерминанты);

б) элементов посткриминальной деятельности (внутренние связи).

В связи с чем, генеральной идеей статьи выступает положение о том, что чем выше тяжесть совершенного деяния и состав участников относится по возрасту к молодежи (виновный и связанные с ним лица, очевидцы, жертва и др.), тем больше количество, интенсивнее и разнообразнее посткриминальная деятельность. Посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, влияет на содержание и эффективность раскрытия и расследования преступлений.

По результатам исследования уголовных дел, каждый второй участник посткриминальной деятельности и поведения относится к группе «молодежь» (53,7%), при этом в групповых и организованных преступлениях такой процент гораздо выше и составляет 82,4%.

Процент жертв и очевидцев, относящихся к группе «молодежь», составил 15,1 и 20,6% соответственно, что обусловлено спецификой совершенных преступлений и особенностями посткриминальной деятельности. Анализ уголовных дел показал, что наиболее ухищренные по количеству и качеству реализованных приемов противодействия выступили те, которые осуществлены в возрасте 22–27 лет.

Наряду с негативными способами и приемами посткриминального противодействия наиболее интересным и оказывающим влияние на раскрытие и расследование преступлений является

содействие молодежи (профилактика экстремизма и терроризма, наркопреступлений в сети Интернет, волонтеры, поисковые отряды «Лиза Алерт», дружинники»).

Как отмечает министр МВД РФ В.А. Колокольцев, «в рамках противодействия криминальным проявлениям в отношении подростков акцент сделан на недопущение распространения информации, причиняющей им вред. Всего в социальных сетях в прошлом году по инициативе Министерства внутренних дел заблокировано свыше 25 800 ресурсов, содержащих деструктивный контент. Вместе с тем полностью уберечь наших детей от насилия и жестокости, негативного психологического воздействия исключительно усилиями полиции невозможно. Эта проблема выходит далеко за пределы компетенции одного ведомства и требует последовательных, скоординированных шагов Активное участие в поисковых мероприятиях принимали волонтерские организации. С их помощью обнаружено порядка 3 тысяч человек. В настоящее время добровольческие отряды сформированы в 76 субъектах РФ» [8]. Участиею общественности в раскрытии и расследовании преступления посвящены работы криминалистов, где рассматриваются ими: учение о взаимодействии следователя с общественностью [9], использование помощи общественности в решении розыскных задач [10], использование СМИ в раскрытии и расследовании преступлений [11], участие общественности в предупреждении экстремизма [12].

Проведенный кросс-анализ собственного исследования уголовных дел и авторских опросов, а также данных официальной статистики, показал, что посткриминальная деятельность не всегда отражается в указанных источниках и порождает ряд проблем как практического и теоретического характера, так, к примеру: фактически не получают объяснений от трети очевидцев; высокая латентность преступлений, обусловленная особенностями посткриминальной деятельности и поведения жертв; не более 1,3 следов преступной и посткриминальной деятельности обнаруживаются при ОМП; треть молодежи подвергается коррупционным проявлениям и ее последствиями [13]; и многие другие. На основе имеющихся проблем и во-

просов, требующих разрешения и обеспечения научно-криминалистической продукцией, автором проведен социологический опрос молодежи.

В этих целях было опрошено 147 чел., из них 92 человека отметили, что более одного раза сталкивались и находились в посткриминальной действительности (далее в расчетах нами использовалось 92 чел. = 100%). То есть практически две трети молодежи сталкивались с посткриминальной действительностью. Исходя из проведенных исследований можно сделать вывод, что посткриминальная действительность как явление и включенные в нее процессы, ситуации, события достаточно распространены. В ней 62,58% молодежи действовало (внешне функционально проявляло себя). Следует иметь ввиду, что опрошенные лица представляют собой молодежь с активной гражданской позицией (студенты-отличники, спортсмены, молодые предприниматели, представители молодежного правительства, участники военно-патриотических клубов и движений). На дополнительный вопрос о том, наблюдали ли они в интернет-трансляциях (онлайн или оффлайн) преступную деятельность и посткриминальную деятельность, большинство ответили (89 из 92 чел.), что наблюдали неоднократно. При этом 28,48% (из 89 чел. 32 чел.) отмечали, что поучаствовали в посткриминальной деятельности, в эти же сутки искали видео и фото, а также новости о совершенном преступлении с помощью сети Интернет. Таким образом, от криминалистической науки требуются разработки криминалистических средств и методов собирания интеллектуальных следов преступной и посткриминальной деятельности. В этом смысле, глубоко права Д.А. Степаненко, которая пришла к выводу, что «традиционная, сложившаяся в 50–80-е годы XX века парадигма криминалистической идентификации, при всех ее достоинствах, уже не в полной мере соответствует всё более возрастающим научным и практическим потребностям. Одни ее общепринятые концептуальные положения обветшали от частого и не всегда умелого употребления, в чем-то устарели и нуждаются во вливании «свежей крови»» [14]. Будучи в той или иной степени связанными с событием преступления, из 92 человек были

опрошены дознавателем или следователем только 61 человек (65,12%). То есть ранее выявленная тенденция достаточно низкой эффективности деятельности правоохранительных органов в выявлении очевидцев подтверждена (более трети очевидцев преступной и посткриминальной деятельности не устанавливаются и не опрашиваются). При этом, для проверки данного вывода нами отдельно задавался вопрос о том, прибывала ли следственно-оперативная группа; положительно на данный вопрос ответили 85,24% (52 из 61 чел.). Особо отметим, что из 52 чел. (100%) – 29 чел. (55,76%) проявляли собственную заинтересованность и расспрашивали о происходящих событиях раскрытия и расследования преступлений у очевидцев, жертв, виновных и связанных с ними лиц. Интересным является следующий пример из собственного архива. К., будучи статистом при предъявлении для опознания, с детства знал подозреваемого в нанесении телесных повреждений и грабежа (ходили в детский сад и школу), во время и после совершения деяния находился за соседним столиком кафе, а также дружил в соцсетях с жертвой, активно обсуждая произошедшее. В процессе предъявления для опознания подозреваемый и статист шутили и рассказывали друг другу анекдоты.

В данном примере проявились не только грубейшие уголовно-процессуальные и тактические ошибки, допущенные субъектом расследования, но и то многообразие посткриминальной деятельности и их отражений в активной действительности.

К наиболее типичным посткриминальным действиям субъекта преступления очевидцы из молодежи отнесли:

- 1) бегство с места преступления – 44,56% (41 чел.);
- 2) сокрытие следов и их носителей – 28,26% (26 чел.);
- 3) воздействие на жертву и очевидцев – 18,47% (17 чел.);
- 4) иное – 8,71% (8 чел.).

Время наблюдения и участия в преступной и посткриминальной деятельности:

- 1) от 1 до 5 минут – 72,82% (67 чел.);
- 2) от 5–10 минут – 20,65% (19 чел.);
- 3) более 10 минут – 6,53% (6 чел.).

Местами такого наблюдения в большинстве случаев была открытая местность в городе (79 чел.).

Достаточно часто преступная деятельность и посткриминальная деятельность подвергаются копированию и подражанию [15]. Преступная и посткриминальная деятельность в сельской местности имеет свои особенности [16, 17, 18, 19, 20]. Как отмечают австралийские исследователи, «организационный потенциал конкретных социальных групп имеет большое значение для определения качества разговоров о преступлениях и реагирования на преступления в изолированных и сельских районах» [21]. Среднее расстояние от места преступления – 3–5 метров (т.е. достаточно для запоминания идентификационных признаков, розыскных примет и их использования в раскрытии и расследовании преступлений [22, 23, 24]). При этом, среднее расстояние до места жительства составило от 400 метров до 1 км 200 метров. Интересные данные, подтверждающие указанную закономерность между местом жительства и местом преступления, получены финскими исследователями: «расстояние между домом преступника и местом совершения преступления было небольшим (1,16 км)» [25]. Английские ученые также пришли к выводу необходимости использования географического профилирования в раскрытии и расследовании преступлений [26].

Указанное может быть использовано для построения версий и разработки алгоритмов взаимодействия следователя с оперативными работниками. Из 61 опрошенного 52 человека стремились дать полные и добросовестные объяснения (85,24%), остальные связали свои неточности в объяснениях в связи со стрессом от увиденного или боязни расправы со стороны виновных лиц. Практически каждый второй из добросовестных очевидцев дал правдивые показания в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства, а каждый 10 подвергся воздействию со стороны виновного (уговоры, подкуп шантаж).

Заключение

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют, что гипотеза частично подтверждена и требует дальнейшей разработки. Защита молодежи от негативных последствий посткриминальной действительности выступает комплексной межпредметной задачей для научного сообщества.

Посткриминальная деятельность имеет свои особенности, как и механизм образования следов. Информация о посткриминальной деятельности имеет значение для построения версий, розыскной работы, выявления приемов содействия раскрытию и расследованию преступлений.

Библиографический список

1. Выступление В.В. Путина на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения: 4.05.2019).
2. Варданян А.В. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А.В. Варданян, А.С. Андреев // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, №6. С. 785–794. DOI: 10.17150/2500-4255. 2018. 12 (6). 785–794.
3. J. Stephen Wormith, C Schafers, Criminology, Editor(s): Howard S. Friedman, Encyclopedia of Mental Health (Second Edition), Academic Press, 2016, P. 377–387.
4. Советский энциклопедический словарь. Изд-во «Советская энциклопедия». М., 1980. С. 1068.
5. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2018. №27. С. 5–22.
6. Образцов В.А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // В кн.: Актуальные проблемы криминалистики. М., 1979. С. 20, 24.
7. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 61.
8. Выступление министра МВД РФ В.А. Колокольцева на Коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. 28 февраля 2019 года. 14:30. Москва. Заседание посвящено итогам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2018 год и планам работы на 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 4.05.2019).
9. Резникова А.Г. Базовые понятия криминалистического учения о взаимодействии следователя с общественностью в расследовании преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. №1–2. С. 167.
10. Андреева Н.Н. Использование помощи общественности в решении розыскных задач по делам о дорожно-транспортных преступлениях // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2008. №1. С. 190.
11. Синяпкин А.Н. Некоторые вопросы использования средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №2. С. 161.
12. Буткевич С.А. Участие общественности в предупреждении экстремизма: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №4 (34). С. 474.
13. Андреев А.С. Коррупция и борьба с ней: региональный аспект. Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. №2 (115). С. 79–87.
14. Степаненко Д.А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2006. 337 с.
15. Jacqueline V. Helfgott, Criminal behavior and the copycat effect: Literature review and theoretical framework for empirical investigation, In Aggression and Violent Behavior, Vol. 22, 2015, P. 46–64.
16. Князьков А.С., Ондар Д.С. Факторы, обуславливающие совершение и расследование краж из жилища в сельской местности в специфических условиях жизнесуществования населения // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2016. №4 (22). С. 42.
17. Михалева Н.В. Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования убийств в сельской местности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. №1–2. С. 198.
18. Агафонов А.С., Грушко В.М. К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в сельской местности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. №3 (3) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-spetsialnyh-znaniy-pri-rassledovanii-prestupleniy-svuzannyh-s-nezakonnym-oborotom-narkoticheskikh-sredstv-v> (дата обращения: 05.05.2019).
19. Красковский Я.Э. Некоторые особенности краж, совершаемых рецидивистами в сельской местности // Бизнес в законе. 2008. №2. С. 160.
20. Шеховцова Любовь Сергеевна Проверка показаний в ходе предварительного расследования грабежей и разбоев, совершаемых в сельской местности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №2 (53). С. 38.
21. John Scott, Russell Hogg, Strange and stranger ruralities: Social constructions of rural crime in Australia, In Journal of Rural Studies, Vol. 39, 2015, P. 171–179.
22. Данильян Э.С. Особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий // Общество и право. 2015. №1 (51). С. 224.
23. Горбунов А.Н., Калужный К.Ю. Особенности раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте // Общество и право. 2014. №3 (49). С. 207.
24. Лахин В.Д. Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2007. №2. С. 106.
25. Sciandra, M., Sanbonmatsu, L., Duncan, G., Gennetian, L., Katz, Lf, Kessler, R, Kling, Jr, & Ludwig, J. (2013). Long-term effects of the Moving to Opportunity residential mobility experiment on crime and delinquency // Journal of Experimental Criminology. 451–489.
26. John Clayton, Catherine Donovan, Stephen J. Macdonald, A critical portrait of hate crime/incident reporting in North East England: The value of statistical data and the politics of recording in an age of austerity, In Geoforum, Vol. 75, 2016, P. 64–74.